

Источники:

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 г. – 12 декабря 1825 г. В 45 тт. СПб., 1830.

УДК 94(470.5).084.8

ББК ТЗ(235.55)622-2

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.03

Ю.О. Савичева

Магнитогорск

**«РАБОТАЮЩАЯ МАТЬ»: ТРУДНОСТИ
МАТЕРИНСТВА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендерная история, история повседневности, Великая Отечественная война, промышленные города, Южный Урал

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые аспекты организации жизни женщин промышленных городов Южного Урала. Анализируются трудности, с которыми столкнулась женщина-мать в экстремальной обстановке войны. На основе архивных документов и воспоминаний предпринимается попытка выявления тех способов решения проблем, которые встали перед женщинами в годы Великой Отечественной войны. От того насколько хорошо женщины могли справиться с трудностями зависело не только их существование, но и жизнеспособность их детей.

Y.O. Savicheva

Magnitogorsk

"WORKING MOTHER": SOME DIFFICULTIES OF MOTHERHOOD IN A TIME OF WAR (ON THE EXAMPLE OF THE CITIES OF THE SOUTHERN URALS)

KEY WORDS: gender history, history of everyday life, the Great Patriotic war, the industrial city, the Southern Urals

ABSTRACT. This article discusses some aspects of women's lives in industrial cities of the Southern Urals. Examines the difficulties faced by the woman-the mother who keen on extreme environment of war. On the basis

of archival documents and memoirs, it attempts to identify ways of solving problems that faced women during the great Patriotic war. On how well women are able to cope with difficulties depended not only their existence but also the viability of their children.

Гендер – понятие междисциплинарное, которое включает в себя, прежде всего, не биологическую, а социальную характеристику пола. Гендерные различия предписывают определенную модель поведения, свойственную гендеру. Возникают полоролевые установки, ассоциирующиеся в обществе, как мужские и женские.

За женщиной в обществе закреплено много ролей, но основная из них - это роль матери. Именно эта роль определяла нормы поведения женщины в обществе, ее возможности и позицию.

Советское руководство уже в 1930-х гг. проводит политику, направленную на эмансипацию женщины в целях ликвидации нехватки рабочих кадров при усилившемся развитии промышленности.

Изменилось традиционное представление о «простой советской семье», где муж работал на стройке, заводе, а жена занималась домашним хозяйством и воспитывала детей. Государственная политика была направлена на выведение советских женщин из частного пространства дома и семьи и изменение статуса «жены» и «домашней прислуги». Рост промышленности стимулировал советское руководство к быстрейшему вовлечению женщин в общественную деятельность и скорейшую их эмансипацию. Происходило постепенное уравнивание семейных прав и обязанностей. Гендерные нормы, существовавшие задолго до этого, стали трансформироваться.

Период Великой Отечественной войны в данном контексте стал переломным этапом. Процесс изменения гендерных особенностей поведения в условиях промышленных городов Южного Урала ускорился и приобрел массовый характер. Это было связано с мобилизацией мужчин на фронт и необходимостью наращивания военного производства.

С учетом сложившейся обстановки освоение женщинами «мужских профессий» было связано, прежде всего, с необходимостью защитить своих детей и создать им «нормальные» условия жизни. Женщины, пришедшие на производство, смогли хоть как-то улучшить свое существование, так как получали продовольственные карточки. Из четырех групп населения по снабжению продовольствием, самые высокие нормы были у рабочих, следовательно,

женщинам необходимо было включаться в трудовую деятельность для более или менее сносного обеспечения себя и своих детей.

Здесь опять проявляется исконно закрепленная за женщинами роль матери. Именно на женские плечи легли заботы о детях и их благополучии.

Важнейшим в военное время был вопрос продовольственного обеспечения. В воспоминаниях детей о военных годах мы встречаем характеристику этого времени как «голодного и холодного» (15. С. 91). Советское правительство вынуждено было ввести для городского населения карточную систему. Нормированное снабжение было введено на основные продукты питания. Нормы снабжения подразделялись по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц, служащих, иждивенцев и детей. Суточные нормы хлеба были установлены – 800, 600 и 400 грамм соответственно. В 1942 г. были введены карточки для получения дополнительного питания рабочим горячих и вредных цехов, а также беременным женщинам, кормящим матерям, донорам и больным (19. С. 102). Анна Михайловна Швидченко, которой в 1941 году было всего 8 лет, вспоминает, что ее мама, Прасковья Никитична, получала на семью из 5 человек хлеба всего 1 килограмм и 400 грамм. Причем, хлеб был очень плохого качества – черный, непеченный (14. С. 21). Горечь присутствовала в хлебе, потому что мука была с примесью полыни (5. С. 99). Чтобы получить хлеб по карточкам надо было отстоять очень большую очередь с раннего утра (16. С. 131). Лидия Ивановна Лунина, вспоминает, что, когда она была маленькой, ее мама послала за хлебом. Девочка не могла стоять в очереди из-за боязни, что ее могут просто раздавить, и отдала свои карточки на неделю женщине, чтобы та взяла ей хлеб. Женщина обманула маленькую девочку и отдала ей порцию только за один день, а не за неделю (14. С. 61). Ситуация была действительно бедственная, люди проявляли девиантные формы поведения из-за нехватки продовольствия. В 1942 г. одновременно с выдачей продовольственных карточек, вводились прикрепительные талоны на хлеб. Потребитель оставлял прикрепительный талон в торговой единице или столовой, для учета контингента прикрепленных, на основе которого должен был планироваться завоз хлеба. В снабжении населения хлебом существовали недостатки, такие, например, как несвоевременный завоз хлеба в торговые точки, отсутствие хлеба в отдельных единицах в результате того, что хлебокомбинат

не обеспечивает выпечку хлеба в количестве, необходимом для снабжения города (3. С. 64).

Устраивать праздники для детей, например, Новый год, не было возможности. Вот как в своих письмах сыну описывает 31 декабря 1941 года Вера Федоровна Берсенева: «Я огорчена, что не достали елки и не можем устроить детям хоть маленький праздник. И угощений нет у меня для них. Когда вспоминаю, какие праздники, бывало, устраивали для вас, то это кажется сном каким-то. Вечером я сделала детям хороший ужин из продуктов, которые были отложены задолго на этот день, и еще мне посчастливилось достать полкило мороженого, так что удовольствие было большое. Ни елки, ни подарков у нас нынче не было...». Праздничным столом был обед, где главным лакомством был садкий кисель. Вот таким было меню на день рожденья: пряник, 2 грецких ореха, четыре конфетки, кусочек колбасы (16. С. 73-74, 92).

Существенным дополнительным источником к централизованному снабжению стало огородничество. Труженики городов Южного Урала имели индивидуальные огороды, которые закреплялись за предприятиями и учреждениями. Поэтому только работающие женщины могли заниматься огородничеством. Например, в Магнитогорске, по ММК на 1941 год площадь посевных площадей под индивидуальные огороды достигала 860 га, а на 1942 год – 1324 га (5. С. 22). На небольшом огороде около дома сажали всего понемногу. Картошка – основной продукт питания и обмена, поэтому сажали ее и около дома, и в поле, и «где давали землю». По ночам картошку охраняли, чтобы ее не выкопали. Дети войны вспоминают, что жить в тот период было «трудно и страшно». Корову, например, тоже на ночь в сарае не оставляли, а загоняли в сени и запирали двери на лом. Спали напряженно, так как грабежи были частыми. Огороды обрабатывали с помощью детей, так большое количество времени женщины находились на работе и просто не могли заниматься огородничеством самостоятельно (15. С. 91).

Социальная роль женщины–матери трансформировалась, так как работающая женщина не могла полноценно выполнять материнские обязанности. Но государство требовало от женщины совмещения двух функций – материнство и трудовую деятельность. Для блага собственных детей, женщинам приходилось работать очень много, подчас без выходных и отпусков. Для женщины, которая хотела идти работать на производство, было очень важно оп-

ределить детей в детские сады и другие детские учреждения. Поэтому власти города и страны проводили мероприятия по увеличению сети детских учреждений (1. С. 53; 6. С. 237; 7. С. 124). Из постановления бюро обкома ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О привлечении членов семей рабочих и служащих на производство» следует, что местные руководители были озадачены тем, чтобы как можно быстрее расширить сеть детских учреждений, чтобы полностью обеспечить прием детей женщин, уходящих на производство (3. С. 217; 10. С. 80-81; 11. С. 237; 12. С. 65; 13. 1942. 25 января; 17. С. 72). Плата за пользование детсадом или яслями была довольно высокой. В бюджетных обследованиях рабочих семей Челябинской области, относящихся к 1942 г., присутствуют разные (в зависимости от ведомственной принадлежности и типа учреждений) месячные ее показатели – от 75,6 до 146 руб. В дополнение к этому требовалось сдавать хлебные карточки или хлеб, что оказывалось не всегда возможным (18. С. 130). В детских учреждениях текущее медицинское обслуживание контролировало проведение санитарных и противоэпидемических мероприятий, для чего прикрепляли к детским учреждениям, в которых не было врачей, средний медицинский персонал, работающий под руководством поликлиники, больницы или санитарного врача. Проводили санитарную подготовку педагогического и технического персонала детских учреждений по вопросам борьбы с детскими инфекциями (6. С. 216).

В городе Магнитогорске за время войны сеть детских садов в системе комбината удвоилась – на 1 ноября 1941 г. было 2000 детей, а на 1 ноября 1942 г. – 3860, на 13 сентября 1944 г. – 4326 детей. Свободных мест в детских садах не было, в каждой группе было по 30-40 человек. В исключительных случаях в садах находились дети, у которых не работали матери. Питание в детских садах было плохое: крайне недоставало молока, мяса, жиров. В декабре 1941 г. суточная норма питания на одного ребенка составляла: 5 грамм масла, 20 грамм мяса, 8 грамм сахара (4. С. 154; 5. С. 106-107, 314). Руководство пыталось обеспечивать контроль за выполнением санитарных правил в детских учреждениях и за приспособлением помещений для дополнительных групп детей, детских садов, детских домов, допуская использование веранд, учебных помещений и зал под спальню (7. С. 128). Горздрав совместно с директорами школ города организовывал санпосты для наблюдения надлежащего санитарного состояния школ (6. С. 241; 9. С. 104).

Осуществлялся ремонт детских учреждений (6. С. 232). Несмотря на меры, принятые руководством для обеспечения оптимальной санитарной обстановки, в детских садах и школах, по-прежнему, наблюдалась антисанитария (8. С. 31). Например, в школе № 5 протекала крыша (6. С. 293). В детских яслях №3 питание было не удовлетворительным, изготовление завтраков запаздывало, мединструктора не присутствовали при утреннем приеме детей в ясли. Санитарное состояние ясель было неудовлетворительное, уход за детьми плохо организован (9. С. 51).

При яслях создавались отдельные боксы, где ребенок мог находиться во время болезни (13. 1941. 26 июня). В яслях создавались круглосуточные контактные группы (2. С. 64; 8. С. 20), работали дежурные группы для работающих матерей (8. С. 22), карантинные группы при детских яслях, которые не допускали отправки детей при вспышке кори или коклюша в ясли (1. С. 78, 82). В городе работала молочная кухня, которая обеспечивала молоком и лечебными смесями детей ясельного возраста. Но она не всегда удовлетворяла потребности, как по качеству, так и по количеству (1. С. 81).

Советская власть проводила различные мероприятия по увеличению мест в детских учреждениях, прежде всего этими «льготами» пользовались работающие женщины. В рамках промышленных городов Южного Урала это было крайне важно, обеспечить производство рабочей силой за счет устройства детей в детские учреждения.

В данной статье были освещены лишь некоторые аспекты материнства в годы Великой Отечественной войны, остались без внимания: жилищный вопрос, обеспечение одеждой и обувью, детский досуг в военное время и др.

Итак, материнство – важнейшая составляющая женского бытия. В годы войны оно было осложнено той экстремальной обстановкой, в которой оказалось женское население СССР. Оставшись без «кормильца», женщины вынуждены были взять на себя роль «главы семьи» и обеспечить существование своих детей. Им необходимо было решить, прежде всего, продовольственную проблему, на наш взгляд, она является первостепенной. За счет каждодневного труда они могли хоть как-то прокормить своих детей. Дети военных лет правильно отмечают, что их матери выживали только ради них. Цели советского руководства и советской женщины совпали: власти необходимо было обеспечить предприятия рабочей

силой, а женщинам необходимо было обеспечить своих детей «минимумом», чтобы спасти их от смерти. В результате, новый тип женщины - «работающая мать» получил распространение и стал массовым в годы Великой Отечественной войны, и женщина очень быстро эмансипировалась. Но эту эмансипацию нельзя назвать законченной и полной, когда изменился совершенно образ мысли, мировоззрение и женщина воспринимала бы свое уравнивание в правах и социальном статусе с мужчиной чем-то неотъемлемым. Скорее это была «вынужденная эмансипация», которая осуществилась только в военных условиях.

Источники:

1. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 348.
2. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 350.
3. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1. Д. 360.
4. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 10. Оп. 1.
5. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 118. Оп. 1. Д. 158.
6. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 118. Оп. 1. Д. 160.
7. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 121. Оп. 1а. Д. 6.
8. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 121. Оп. 1а. Д. 7.
9. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 122.. Оп. 2. Д. 66.
10. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив». Ф. 121. Оп. 2. Д. 80.
11. Женское лицо победы: 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 / Гл. ред. - А.П. Финадеев, отв. состав. Е.П. Турова. Челябинск: ЧПО «Книга», 2001. 224 с.
12. Ленинская поступь пятилеток 1929-1950. Из истории развития промышленности и рабочего класса Челябинской области: Сборник документов и материалов. Т.1. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1986. 358 с.

13. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Сборник документов и материалов. Челябинск, 1981. 350 с.

14. Магнитогорский рабочий. Орган Магнитогорского горкома ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся. 1939-1945 гг.

15. Медаль за бой, медаль за труд: сборник / сост. и ред. В. Грини-маер. Магнитогорск: Магнитогорский центр национальных культур, 2005. 184 с.

16. Память сердца [отчет детей перед погибшими и ушедшими родителями/ сост. и ред. Котляренко Анатолий Маркович]. Кн. 1. Челябинск: Челябинский Дом Печати, 2013. 304 с.

17. Пришла война в Березки. Письма матери / О.Ф. Краузе, И.В. Андреева, Е.В. Арсентьева. Череповец, 2010. 143 с.

Литература:

18. Васильев Г. В. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1982. 279 с.

19. Палецких Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007. 167 с.

20. Потемкина М.Н. Эвакуационное население в уральском тылу (1941-1948). Магнитогорск: МаГУ, 2006. 265 с.